

Она знала, что это старший сын управляющего Лю, а сам управляющий сейчас помогает старшему господину управлять единственной зерновой лавкой, что свидетельствует о том, что он является одним из самых доверенных людей при господине.

Молодой человек перед ней был приятной внешности, с блестящими перспективами, но он нашел время, чтобы поговорить с ней наедине... Однако, прежде чем в сердце Цзыхуай зародились легкие надежды и тревоги, слова Шицина заставили её действительно встревожиться.

— Старая госпожа, возможно, боится, что господин не справится, поэтому выбрала вас, чтобы вы заботились о старшем господине... Но на самом деле господин все прекрасно понимает, и старой госпоже не следует слишком беспокоиться.

— Однако старший господин почтителен и не станет противиться воле старой госпожи, поэтому, что бы она ни велела вам сделать, сначала соглашайтесь, а мы уже в Восточном дворе все обсудим.

— Если вы в Восточном дворе будете хорошо слушаться, то не повторите судьбу Цзыфу.

С её возрастом и ранней зрелостью, вызванной тяжелой судьбой, даже если сначала она не совсем поняла, то, вернувшись и хорошенько подумав, она смогла составить представление.

Кроме того, вскоре после того, как старший господин и его свита покинули город Юньян и отправились в округ Шулин, старая госпожа действительно прислала за ней в Покои Сяофу, намекая, что она должна отправиться служить старшему господину.

Цзыхуай только тогда прониклась уважением к этому старшему господину — он явно уже полностью и досконально понял все мысли старой госпожи!

Можно было представить, если бы старший господин не отправил Шицина поговорить с ней, а она бы просто послушалась распоряжений старой госпожи и отправилась в Восточный двор с «такой» целью, её судьба, вероятно, была бы еще печальнее, чем у предыдущей Цзыфу.

Думая об этом, Цзыхуай даже забыла напомнить старшему господину о его обещании, чтобы она могла «получить желаемое».

— Когда вы окажетесь там, вы будете вместе с Хупо заботиться о Яньсы. Он хороший мальчик, и если вы будете стараться, он, конечно, полюбит вас и запомнит вашу доброту.

Услышав голос Линь Яньхуна, Цзыхуай почувствовала, что он совсем не такой, как она себе представляла — его тон был спокойным, и слова, произнесенные его юным, чистым голосом, не вызвали чувства угрозы.

Если бы не все предыдущие события, старший господин был бы гораздо приятнее старой госпожи.

Но Цзыхуай не осмелилась расслабиться, как раньше, и сразу же закивала, как марионетка:

— Господин, не беспокойтесь, служанка обязательно будет следовать за Хупо... сестрой... и хорошо служить господину Яньсы!

Она была старше Хупо, но её стаж не мог сравниться с тем, кто был рядом с Линь Яньхуном, и язык едва не запутался.

Линь Яньхун не обратил внимания на оплошность Цзыхуай, он отдал приказ:

— Эти два дня вы будете служить в кабинете... во внутренние покои не заходите.

— Слушаюсь, господин! — Цзыхуай поняла, что старший господин хочет, чтобы она «играла роль» перед старой госпожой, и, конечно, не стала возражать.

Она послушалась слов Шицина и перед старой госпожой дала «военную клятву», и теперь, находясь под её пристальным взглядом, должна была вести себя смиренно.

...

Когда Цзыхуай увела Хупо, настроение Линь Яньхуна все еще не улучшилось, он сидел один в приемной, не двигаясь.

Волчонок сегодня не пошел с Линь Яньхуном в Покои Сяофу, и теперь, увидев, что незнакомая женщина наконец ушла, он выбежал из внутренних покоев и побежал к Линь Яньхуну.

Подбежав к Линь Яньхуну, он обнаружил, что тот не обращает на него внимания, и, надувшись, начал жалобно выть, пытаясь забраться на него.

Линь Яньхун почувствовал, как его одежда натянулась, и увидел, как малыш, отталкиваясь задними лапками, тянется к нему своими маленькими лапками, с трудом, но настойчиво пытаясь забраться на него.

Он протянул руку, помог ему, позволив малышу оттолкнуться от его руки и благополучно забраться на его колени.

Волчонок, заняв его объятия, не удовлетворился этим, он прижался к его груди, вытянул шею, чтобы дотянуться до подбородка Линь Яньхуна.

Линь Яньхун почувствовал, как его влажный носик трется о него, ощущая легкий холод, и те тяжелые мысли, что его мучили, стали казаться менее тягостными.

Он опустил голову, и на его губах появилась улыбка, наполненная нежностью.

— Ау-у ау-у~

Волчонок почувствовал, что его настроение плохое, и протянул одну лапку, похлопав по лицу Линь Яньхуна, словно утешая его.

— Скоро у нас будет новый дом, не знаю, понравится ли он вам.

— Ау-у~

Детский голосок с радостной интонацией, как будто поддерживая его.

На самом деле, пока он с Линь Яньхуном, ему все равно, где жить.

Конечно, если будет просторный двор, где можно греться на солнце, и цветы, с которыми можно играть, будет еще лучше.

— Когда мы уедем отсюда, потом заберем отца...

Чтобы получить такую жизнь, он готов заплатить цену.

Он схватил лапку волчонка, как обычно, сжал её, она была мягкой, но, казалось, делала его сердце твердым, неуязвимым.

...

В середине мая, так как два внука семьи Линь должны были отправиться в Академию Цинтун и окружное училище, в резиденции Линь все были заняты.

Однако, по сравнению с серьезностью Южного двора, в Восточном дворе сборы прошли гораздо быстрее. Линь Яньхун провел больше времени с отцом, Линь Фэном, но все равно чувствовал, что времени не хватает.

На этот раз он отправлялся не на гору Ушань, не в Шулин, и не на месяц или два домой.

Сколько учеников провели десятки лет в окружном училище, так и не попав в Список Гуй, и в конце концов, не выдержав взглядов окружающих, вернулись домой, чтобы продолжить этот путь, на котором выбирают одного из десяти тысяч.

Даже в «прошлой жизни» Линь Яньсин так и не смог с триумфом покинуть Академию Цинтун и войти в чиновничьи круги.

Линь Фэн знал, что это путь, который Хун должен пройти сам, он не может быть рядом с ним, только постоянно беспокоиться о нем.

— Ты отправляешься в Цинтун, там будет твой дядя, и я чувствую себя спокойнее, — Линь Фэн сказал старшему сыну, который вот-вот покинет дом.

Хотя он не планировал часто общаться с Линь Цзюанем, чтобы отец не слишком беспокоился, Линь Яньхун все же кивнул, показывая, что будет слушаться дядю.

Линь Фэн протянул руку, сначала хотел погладить сына по голове, но в конце концов положил её на его плечо.

Тот когда-то слабый юноша вырос, птенец покидает гнездо, и вскоре запоет молодой феникс...

На главной дороге от Юньяна к городу Юньтун пронеслись три кареты с гербом семьи Линь.

В карете Линь Яньхун развлекал двух малышей, чтобы скоротать время в пути.

Волчонок, обняв медный шар для благовоний, подаренный ему Линь Яньхуном, развлекался сам, а маленький Яньсы сидел рядом, играя со счетной доской на маленьком столике. Две серьезные мордашки заставили Линь Яньхуна улыбнуться.

— Играют так серьезно... но играют совсем не в игрушки...

Возьмем, к примеру, счетную доску, которую держал Яньсы, это был инструмент, который тетушка Чунь использовала для ведения счетов.

Когда Линь Яньсы праздновал свое четырехлетие, Линь Яньхун заказал для него золотой оберег с сотней глаз, чтобы отгонять зло, и малышу очень понравились изображения на нем.

Но из всех изображений — ножниц, шпилек, зеркал и счетной доски — только последние два

можно было показывать малышу. И по сравнению с медным зеркалом, которое он видел каждый день, Линь Яньсы явно больше интересовался «деревянными палочками с бусинами» на счетной доске.

В конце концов, в пути не было нужды вести счета, и тетушка Чунь дала свою счетную доску Яньсы в качестве игрушки.

Так что Яньсы даже перестал играть с головоломками, каждый день «па-па-па» щелкал бусинами на счетной доске, и что-то бормотал себе под нос.

Линь Яньхун несколько раз прислушался и обнаружил, что малыш имитирует звук ударяющихся бусин, видимо, он полюбил «новую игрушку» так, что хотелось поцеловать его.

С другой стороны, волчонок, положив медный шар для благовоний с изображением серебряного волка на свой животик, повернул голову и увидел улыбку Линь Яньхуна, сразу же перевернулся и прыгнул к нему, но из-за тряски кареты чуть не ударил Линь Яньхуна в подбородок.

Медный шар, оставшись без опоры, покатился к ногам Линь Яньсы, и тот даже испугался.

Обнаружив, что это медный шар волчонка, Яньсы сразу же поднял его и протянул волчонку, который извивался в объятиях Линь Яньхуна, детским голоском сказав:

— Ау-ау!

Под взглядом Линь Яньхуна волчонок не посмел проигнорировать его, он протянул лапку и взял свою потерянную вещь, прорычав «ау-у» в ответ Яньсы.

— Яньсы, иди сюда, к третьему брату, — Линь Яньхун раскрыл вторую половину объятий, и малыш сразу же перебрался к нему, прижавшись к нему, и робко взглянул на волчонка, который прищурился на него.

Для Линь Яньсы последнее время было действительно беспокойным, будто он то в небесах, то в грязи.

<http://bllate.org/book/17693/1651455>